

«НЕИЗВЕСТНАЯ» МАША БРУСКИНА

(Документальный очерк)

В 1995 году в Минске в издательстве «Беларусь» вышла в свет книга «Мінскае антыфашыскае падполле». В аннотации этого издания отмечается, что в ней дан полный список участников подполья (около 6 тысяч человек), а большинство фамилий (около 80%) напечатано впервые. К большому сожалению, в этом списке не было имени, которое сегодня известно всему миру. Речь идет о Маше Брускиной.

Рабочий Кирилл Иванович Трус (Трусов) и культработник третьей минской больницы Ольга Федоровна Щербацевич в августе 1941 года организовали подпольную группу по спасению командиров Красной Армии, раненых военнопленных. В группу входил и сын Ольги Щербацевич – 16-летний Владлен (Владимир). Спасая из плена раненых командиров Красной Армии, члены группы передавали в лазарет для военнопленных бланки паспортов, фотоаппарат, химреактивы и бумагу для изготовления фотографий, адреса конспиративных квартир. Офицеров, которые вышли из лазарета, прятали, кормили, обеспечивали гражданской одеждой и переправляли к партизанам или они переходили линию фронта. Некоторые оставались на подпольной работе в городе. На квартире О.Ф.Щербацевич хранилось оружие, боеприпасы, медикаменты.

Только за июль-август 1941 года группа Труса-Щербацевич вывела из больницы 48 человек. 14 октября гитлеровцы арестовали членов группы и после жестоких пыток 26 октября 1941 года повели на улицах и площадях Минска.

Фотоснимки, на которых ведут на казнь и вешают троих подпольщиков, обошли весь мир и пошли в школьные учебники истории, не говоря уже о том, что экспонируются во многих музеях.

Активным участником этой группы и ближайшим помощником Кирилла Труса и Ольги Щербацевич стала 17-летняя Маша Брускина. Группа собирала гражданскую одежду и медикаменты для раненых военнопленных, шрифты, фотоаппараты.

В архиве имеется документ под названием «Подтверждение».

Вот его текст:

«Я, г-ка Трусова Александра Владимировна подтверждаю, что на фотографии, где изображен мой муж Трусов Кирилл Иванович, девушка с фанерным щитом и подростком перед казнью. Мне известно, что девушка часто бывала у нас на квартире, приносила шрифт и какой-то сверток. Предполагаю, что одежду. Муж называл ее Марией.»

Муж инструктировал ее, где и как прятать оружие. Трусова А.В. 3.1.1968».

В беседе с автором этих строк в марте 1992 года одноклассница Маши Брускиной, бывшая узница гетто и партизанка бригады имени К.К.Рокоссовского Елена Григорьевна Шварцман (Элькинд), сообщила:

«Я сама родом из Минска. Со второго по седьмой класс училась в одном классе и дружила с Машей Брускиной. Мы были отличницами. Жили недалеко одна от одной. Маша жила с матерью – Люсей Бугаковой. Затем они поменяли квартиру на Сторожевку, и Маша перешла учиться в 28-ю школу.»

Накануне Великой Отечественной войны я окончила 9 классов СШ № 8 и училась на двухгодичных курсах иностранных языков Минского пединститута им.Горького.

Вновь я встретилась с Машей, когда в Минск вошли немцы (в июле 1941 года). Она была одета в кожанку, и волосы были покрашены в светлый цвет (она осветлила волосы), скорее всего в целях конспирации, чтобы не жить в гетто. Надо полагать, что она жила по чужому паспорту. Иначе ведь нельзя было жить за пределами гетто.

До войны Маша окончила 10 классов СШ № 28. Не помню, о чем мы разговаривали, но заметила, что она со мной говорит осторожно, не открыто, как когда-то. Возможно, она что-то скрывала, может быть, свое участие в подполье.

После войны на дезинфекционной станции я работала вместе с заведующей прачечной Долголантьевой, которая в годы войны входила в состав Минского подполья. Однажды я спросила у нее: «Была в вашей подпольной группе девушка Маша?»

Она ответила: «Была нейкая Мария.»

У нас на дезинфекционной станции тоже инструктором работала бывшая подпольщица Валя Татаринцева (Влада Домбровская). Она часто встречалась со своими товарищами по борьбе с фашизмом. И Долголантьева была в этой группе. Валя мне рассказывала, что они приносили гражданскую одежду военнопленным, и те уходили из госпиталя.

санные. С кем-то у нее была связь... У нее поинтересовалась, кому она дает сводки и с кем ведет о них разговоры. «Люди встречаются всякие», — предупредила я ее. Мне Маша ответила, что в госпитале у нее есть один человек, очевидно, офицер, потому что свои к нему обращаются «товарищ командир», и что он тоже предупреждал ее об осторожности. Маша его называла Володей и мне чашенько говорила: «Володя сказал», «Отдала Володе».

Однажды Маша спросила Софью Андреевну достать где-нибудь фотоаппарат. Та догадалась, что это надо для изготовления фотокарточек на новые паспорта для командиров и красноармейцев, лежавших в госпитале. Софья Андреевна отправилась в деревню к своим старым и добрым знакомым и у них в сарае откопала купленный перед войной «ФЭД».

Маша нашла дело и для матери, которая готовила для нее перевязочный материал.

Она высветлила перекисью водорода волосы и теперь, совсем не похожая на еврейскую девочку, обязанную жить в гетто, свободно ходила по городу».

Значительный интерес представляет письмо в редакцию газеты «Вечерний Минск» Софьи Борисовны Ботвинник, учившейся с Машей Брускиной в 28-й школе Минска. Она писала:

«Когда фашистские орды нагрянули на нашу землю, Маша оказалась в первых рядах борцов против фашистских извергов. Я ее видела в оккупированном Минске. Она шла со своей подружкой, фамилии которой, к сожалению, не помню, с высоко поднятой головой. Для того чтобы ее не могли легко опознать, что она еврейка. Маша перекрасила волосы в светлый цвет. Она мне сказала, что работает в военном госпитале».

Вскоре я узнала, что Машу повесили. Повесили за то, что помогла нашим военнопленным бежать из госпиталя, который охранялся немцами. Да, Маша действительно не стала на колени... На снимке в книге «Великая Отечественная война Советского Союза» на вкладке перед страницей 105 в девушке со щитом на груди, на котором написано «Мы партизаны, стрелявшие по германским войскам», я узнаю Машу Брускину».

Депутат Минского горсовета Франц Антонович Липницкий свидетельствует:

«Я... в 1962 году увидел снимок в газете — казнь трех минских патриотов, и сразу узнал нашу соседку, которую мы называли Машенька. Показал этот снимок соседям Батк М.И., у которых она жила до войны. Они сразу тоже узнали ее. То же самое утверждаю по фотографиям, которые показала мне корреспондент всесоюзного радио (скорее всего, речь идет об Аде Дихтярь. — Э.И.)».

Среди материалов архива — письмо старшего инженера проектного института «Белгипроводхоз» Веры Израилевны Банк в редакцию газеты «Вечерний Минск» от 5 мая 1968 года. В нем есть такие строки:

«...Я лично была знакома с Машей Брускиной, поскольку проживала с ней в одном доме с 1936 по 1941 г. Во время оккупации Минска проживала с ней в одной квартире по Замковой улице...»

Помню, как в начале войны Маша пошла работать медсестрой в лазарет военнопленных, который располагался в политехническом институте. Работать она устроилась вместе с выпускницей медицинского института Соней, фамилию которой я не помню. Они вместе ходили на работу в этот лазарет и рассказывали, что раненым военнопленным оказывается ничтожная медицинская помощь, раны у них гнили, в ранах заводились черви.

Маша и Соня передавали раненым гражданскую одежду и помогали им бежать из лазарета.

Работали они там до сентября 1941 г., так как пропуск на выход из гетто им больше не давали. Через некоторое время, не то в конце сентября, не то в начале октября, к нам во двор на Замковую улицу пришли два человека в гражданской одежде и спросили, где можно видеть Машу Брускину. Она в это время была тут же во дворе и подошла к ним. Больше ее мы не видели. Через некоторое время узнали, что она находится в тюрьме по ул. Володарского. 26 октября 1941 г. Маша была повешена на арке дрожжепаточного завода по ул. Ворошилова. Об этом я узнала спустя два дня после случившегося следующим образом.

Мой отец работал мясником в артели «Химпром» и в сопровождении полицая шел на кожзавод «Большевик» за жировыми отходами. Проходя по ул. Ворошилова, он увидел трех повешенных и в центре Машу в зеленом платьице и в светлой кофточке. Потрясенный этим зрелищем, он рассказал об этом дома. Мать Маши, невзирая на все опасности, пошла на это место и убедилась, что это была ее дочь. После этого она прожила всего 12 дней, так как погибла 7 ноября 1941 г. во время погрома... Снимок, напечатанный в газете, я увидела впервые в 1965 году и узнала на нем Машу Брускину...»

«Мое свидетельство» — так назвал свое письмо Н.И.Стельман.

В нем говорится: «Я, Стельман Натан Исаакович, с 1932 по 1941 год работал директором 28-й средней школы г. Минска. Я хорошо помню нашу отличницу и комсомольскую активистку Машу Брускину. Я узнал ее на снимке, который помещен перед страницей 105 (фото среднее) в книге «Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945», Воениздателство Министерства обороны СССР. Маша Брускина — в центре снимка, с плакатом на груди, на котором написано: «Мы партизаны, стрелявшие по германским войскам», 8/ЛХ-68 г.»

В архиве хранится и письмо двоюродного дяди Маши Брускиной — известного скульптора Заира Азгура автору статьи «Они не стали на колени» в газете «Вечерний Минск» журналисту В.А.Фрейдину. Приведем фрагмент этого важного документа:

«Глубокоуважаемый Владимир Абрамович!

Вы заставили вновь пережить давно минувшую печаль. Я вспомнил Машеньку, и все эти дни она не выходит у меня из головы и сердца. Не только потому, что она мне родственница, но и потому, что ее детство и юность прошли у меня на глазах. Эти фотографии из картотеки и те, что в экспозиции, убедили меня, что это именно Машенька Брускина; дочь моей двоюродной сестры Лии Моисеевны Брускиной...

*Заир Азгур, 11 апреля 1968 г.
г. Минск».*

Перед нами заключение экспертизы, проведенной криминалистом Главного управления уголовного розыска УВД г. Москвы подполковником милиции Шакуром Гареевичем Кунафиним:

«Сравнительному исследованию подверглись фотоснимки женщины, казненной в Минске 26 октября 1941 года, и снимок уличенной 28-й минской школы М. Брускиной, напечатанный в газете «Пионер Беларуси» за декабрь 1938 года.

...Были изучены также письменные и устные свидетельские показания (на мажорантой пленке) людей, знавших М. Брускину: соучеников, соседей по дому, близких родственников и отца, жены и дочери Кирилла Труса, казненного вместе с девушкой. Подлинность этих показаний и достоверность описываемых ими фактов не вызывает сомнений.

Поэтому эти показания в совокупности с выводом по криминалистическому исследованию фотоснимков могут служить основанием для вполне определенного вывода о том, что девушка на снимках казни действительно является Машей Брускиной, бывшей ученицей 28-й школы г. Минска.

Эксперт-криминалист Ш. Кунафин».

Возвращаясь к книге «Минская антифашистская подполье». На 57-й странице этой книги в списке участников Минского подполья мы найдем Долголантьеву Марию Фоминичну и Домбровскую-Татаринцеву Владиславу (Валентину) Александровну. А ведь Долголантьева признавала, что «нейкая Мария», а скорее всего Маша Брускина, входила в состав их подпольной группы. Трагизм ситуации состоит в том, что руководители подпольной группы, все боевые соратники и соратницы Маши, ее подруги по подполью погибли от рук гитлеровцев и их пособников.

О бессмертном подвиге Маши Брускиной и ее боевых товарищей писали газеты «Труд», «Знамя юности», «Вечерний Минск», зарубежные издания.

В Национальном архиве Беларуси хранится «Представление» на Брускину Марию Борисовну, члена ВЛКСМ, выпускницу средней школы № 28 города Минска. Оно адресовано Центральному Комитету КП Белоруссии и подписано главным редактором газеты «Труд» А. Субботиним и редактором газеты «Вечерний Минск» Г. Лысовым. В этом документе есть такие строки:

«26 октября 1941 года гитлеровские оккупанты публично казнили на улицах Минска группу подпольщиков. История сохранила несколько снимков, запечатлевших казнь советских патриотов – мужчин, подростка и девушки. Двое из них – коммунист Кирилл Иванович Трус и школьник Владлен Щербацевич. Имя девушки до последнего времени оставалось неизвестным. Эти фотографии вошли в историю Великой Отечественной войны как свидетельство беспримерного мужества и стойкости минчан перед лицом озверевшего фашизма, были опубликованы во многих странах мира, демонстрировались в фильмах «Обыкновенный фашизм» и «Казнен в сорок первом». И всюду девушка значилась Неизвестной.

...Мария Брускина была связана с группой К. И. Труса и О. Ф. Щербацевич, принимала активное участие в сопротивлении оккупантам... Жизнь, учеба, пионерская и комсомольская деятельность Марии Брускиной, суровое испытание, с честью выдержанное ею в грозном 41-м, являются ярким примером для молодежи и достойны быть увековеченными. Считаю, что славная дочь белорусского народа Мария Борисовна Брускина заслуживает высокой правительственной награды...»

ЦК Компартии Беларуси дал задание Институту истории партии при ЦК КПБ разобраться с этим делом и высказать свое мнение.

В Национальном архиве хранится сообщение заведующего сектором партархива Института истории партии при ЦК КПБ В. Давыдовой на имя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПБ Белоруссии А. Кузьмина от 29 ноября 1968 года.

В нем говорится:

«Сообщаем, что 12 июня 1968 года в партийный архив из редакции газеты «Вечерний Минск» поступили письмо и отзывы, собранные редакцией после опубликования в газете фотографии группы участников Минского подполья, которых ведут фашисты на казнь 26 октября, и статья к ней «Они не стали на колени».

Эта фотография многократно публиковалась ранее в союзных и республиканских изданиях, на протяжении многих лет экспонируется в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны.

При публикации этого снимка в газете было высказано предположение о том, что в группе конвоируемых на казнь была Маша Брускина.

Все письма и отзывы составлены в апреле-мае 1968 года. В большинстве из них рассказывается о довоенном знакомстве с М. Брускиной. В некоторых авторы утверждают, что на снимке они опо-

знали М.Брускину. Однако никаких сведений о подпольной деятельности М.Брускиной в июле-августе 1941 года в Минске в письмах и отзывах не приводится.

В письмах имеется много противоречий, необоснованных утверждений, что не дает оснований принять их как достоверные документальные источники.

Несмотря на то, что в партархиве имеется достаточно сведений о деятельности подпольной группы К.И.Труса и О.Ф.Щербацевич, участники которой казнены 26 октября 1941 года, никаких данных (ни прямых, ни косвенных) об участии в подполье М.Брускиной не имеется...»

В конце сообщения сказано, что эксперты отказались решать вопрос о сходстве М.Брускиной и Т.Горобец, изображенных на представленных фотографиях, из-за их низкого качества. В действительности, в первый раз эксперт Ш.Г.Кунафин отказался делать какое-либо заключение об идентичности фотографий Маши Брускиной.

Таким образом, Институт истории партии при ЦК, а за ним и ЦК КПБ полностью проигнорировали то, что 18 (все авторы писем, а не «некоторые». – Э.И.) авторитетных свидетелей опознали на снимке Машу Брускину. Есть основания считать, что В.Давыдова представила сообщение в ЦК по предварительному указанию.

Прошло почти 30 лет. 21 октября 1997 года Американский мемориальный комплекс «Холокост» посмертно наградил Машу Брускину Медалью Сопротивления со следующей формулировкой: «Маше Брускиной. Присуждено посмертно в память о ее мужественной борьбе со злом нацизма и стойкости в момент последнего испытания. Мы всегда будем помнить и чтить ее». Эта медаль передана на хранение Л.Аркадьеву и А.Дихтярь.

Чуть раньше Гамбургский институт социологии организовал передвижную выставку «Уничтожающая война. Преступления вермахта с 1941 по 1944 годы». В апреле 1997 года эта выставка экспонировалась в муниципалитете Мюнхена. Среди 80 тысяч горожан, посетивших выставку, была и журналистка Бригита Мелер. Неожиданно ее взгляд приковала фотография казни, снятая в Минске 26 октября 1941 года. На ней был запечатлен момент, когда немецкий офицер набрасывает петлю на шею молоденькой девушке. Дрожь прошла по телу Бригиты Мелер: в стоящем рядом с палачом немецком офицере она узнала своего отца – Карла Шейдемманна. Он погиб в 1943 году, участвуя в операции по уничтожению жителей одной из подожженных оккупантами белорусских деревень. Во время войны Бригита была маленькой. Но сохранились фотографии отца в офицерской форме, благодаря которым она узнала его и на этом зловещем снимке...

В тот трагический день 26 октября 1941 года нацистами и их пособниками – литовскими коллаборационистами была повешена еще одна патриотка – Соня Идельсон. О ее подвиге писали московская журналистка Ада Дихтярь и израильский журналист Цви Раз (Розинский. – Ред.) О связи Сони Идельсон с Машей Брускиной упоминается и в документальной повести «Неизвестная».

К началу Великой Отечественной войны Соня Идельсон блестяще закончила четыре курса Минского мединститута. Несмотря на молодость, она успела проявить себя талантливым ученым. Ее статьи, написанные в соавторстве с профессором Давидом Моисеевичем Голубом, получили высокую оценку ученых-медиков.

Оставшись в оккупированном Минске, Соня старалась по-своему бороться с врагом. Возвращение в строй выздоравливающих раненых командиров Красной Армии стало для нее профессиональным и патриотическим долгом. Соня вместе с родителями поселилась в гетто в квартире Веры Банк. Таким образом Соня Идельсон познакомилась в Машей Брускиной. Выздоровливающих военнопленных они спасали, доставая гражданскую одежду и новые паспорта.

Один из спасенных – Борис Рудзянко выдал Соню Идельсон и Машу Брускину. В сентябре 1941 года они оказались в тюрьме на улице Володарского вместе с Ольгой Щербацевич и другими подпольщиками, выданными предателем. После жестоких пыток Машу Брускину, Соню Идельсон вместе с другими подпольщиками публично повесили 26 октября 1941 года. Машу – на воротах Минского дрожжевого завода по улице Ворошилова, Соню – в сквере на площади Свободы.

Патриотическая деятельность Маши Брускиной и Сони Идельсон достойна того, чтобы их именами были названы новые улицы или площади города Минска.

29 февраля 2008 года Мингорисполком принял решение № 424, в котором, в частности, сказано, «в целях увековечения памяти участницы Минского антифашистского подполья Марии Борисовны Брускиной Минский городской исполнительный комитет решил внести изменения в текст мемориальной доски, установленной на доме № 14 по ул.Октябрьской, и изложить его в следующей редакции: «Здесь 26 октября 1941 года фашисты казнили советских патриотов К.И.Труса, В.И.Щербацевича и М.Брускину».

А в июле нынешнего года обновленная мемориальная доска появилась у проходной дрожжевого комбината на Октябрьской.

Справедливость восстановлена!